

Чжэн Луянь

### **ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ВОЕННЫХ РАССКАЗАХ Л. Н. ТОЛСТОГО**

В статье исследуется природа фольклоризма Л. Н. Толстого. Народный взгляд в его военных рассказах обретает универсальный характер, универсальное эстетическое бытие, обнаруживая себя на разных уровнях произведения. Особенно важным с этой точки зрения представляется раннее творчество (1851-1855 годы), когда начался процесс формирования Толстого-писателя, становления его мировоззрения и художественного метода.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/60.html](http://www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/60.html)

Источник

### **Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 207-209. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/](http://www.gramota.net/materials/2/2014/12-3/)

### **© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

УДК 8221.161.1+8<sup>7</sup>**Филологические науки**

*В статье исследуется природа фольклоризма Л. Н. Толстого. Народный взгляд в его военных рассказах обретает универсальный характер, универсальное эстетическое бытие, обнаруживая себя на разных уровнях произведения. Особенно важным с этой точки зрения представляется раннее творчество (1851-1855 годы), когда начался процесс формирования Толстого-писателя, становления его мировоззрения и художественного метода.*

*Ключевые слова и фразы:* фольклор; литература; традиция; мотив; сюжет.

**Чжэн Луянь**

*Ивановский государственный университет  
zhengluyan@hotmail.com*

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ВОЕННЫХ РАССКАЗАХ Л. Н. ТОЛСТОГО<sup>©</sup>**

*Надо бы сделать, чтобы выучиться говорить  
по-русски и не в сказке...*

*А. С. Пушкин*

Мысль, когда-то высказанная Пушкиным в разговоре с В. И. Далем, стала определяющей в художественных исканиях многих русских писателей. Л. Н. Толстой, вступая на литературный путь, прежде чем начать писать, дотошно вчитывается в чужое, много думает о манере своих предшественников. Результатом напряженных размышлений стало убеждение писателя, которое он сформулировал в дневнике 1850-х годов: «Искусство писать хорошо для человека чувствительного и умного состоит не в том, чтобы знать, что писать, но в том, чтобы знать то, чего не нужно писать» [7, с. 108]. На страницах дневника Толстой осмысливает художественное видение простолюдина, отличающееся от воззрений людей образованного класса. В дневнике (5 февраля 1852 года) он запишет: «Во многом я возвращаюсь к детскому взгляду на вещи» [Там же, с. 57]. Детский взгляд отличает простота, которая является главным условием красоты. Читая дневники Толстого, замечаешь, как он внимателен к народному слову, к содержанию, смыслу сказанного простолудином, ему важно проникнуть в народный слог, важно понять «склонность русского народа перевернуть названия» [Там же, с. 111]. В таком словотворении Толстой видит особую поэзию: «Никогда я не встречал, чтобы перевернутое название было неблагозвучно» [Там же]. Детский, или народный, взгляд на мир, по мысли Толстого, проявляется не только в слове, но и в «образе выражения» [Там же], то есть в умении человека из народа «переселиться» в вещь, оживлять явление жизни, передавать его в лицах: «При изустном рассказе это еще более заметно. Епишка, рассказывая про что-нибудь, из своего лица, представляет неодушевленные предметы» [Там же]. В поле зрения Толстого попадает и народная песня, которая привлекает писателя эпически-историческим характером. Казак Епишка «сказал» ему песню, которую писатель тотчас воспроизвел на страницах дневника: «Во славном во городе во Киеве. У славного была у князя Владимира. Жила-была девица, душа красная. Согрешила та девица богу тяжкий грех. Породила девица млада юношу. Того была Александра Македонского. Со стыда красна девица с граду вон ушла. Она шла-пошла не стежкой, не дорожкой. А шла-прошла тропиною звериною. Навстречу красной девице добрый молодец, добрый молодец, Илья Муромец. Как и стал он красну девицу крепко спрашивать. Чьего ты красна девица роду-племени. Да я рода-то девица не простого. Красна девица богатырского» [Там же, с. 102]. На первый взгляд, эту страничку дневника можно рассматривать как факт внимания Толстого к произведениям устного народного творчества, однако ее смысловое начало открывается в контексте с другими записями. Вот он отмечает: «У меня есть большой недостаток – неумение просто и легко рассказывать обстоятельства романа...» [Там же, с. 105]. А несколько дней спустя Толстой (прочитав рассказ Писемского «Леший») опять повторяет прежнюю мысль: «Что за вычурный язык и неправдоподобная канва» [Там же]. Эстетический принцип простоты Толстым понимается широко: в дневниковых материалах в центре его внимания – проблемы поиска своей темы, сюжетной организации произведения. Писатель, не комментируя содержания рассказанной песни, восхищен ее художественной формой, народное произведение превосходно организовано: в фольклорном тексте есть вступление, завязка – «согрешила та девица...» [Там же, с. 102] – и, что не менее важно, в народной эпической песне уже явлены характер человека и его судьба.

Народный взгляд в военных рассказах Толстого («Набег», «Рубка леса», «Из кавказских воспоминаний», «Как умирают русские солдаты» и др.) обретает универсальный характер, универсальное эстетическое бытие. Его безыскусность обуславливает выбор ситуаций, сюжетную организацию, манеру повествования, открытый моралистический смысл.

Уже первые произведения Л. Н. Толстого вводили русского читателя в совершенно новый мир. Молодой прозаик выделен Н. А. Некрасовым, редактором-критиком журнала «Современник», среди писателей «дельного,

практического» [3, с. 172] направления нашей литературы новизной темы, которая сказывается «в полном знании изображаемого быта, глубокой истине в понимании и представлении характеров, исполненных тонкого и пронизательного ума» [Там же]. Примечательно, что в первых военных произведениях не упоминается ключевое слово «война», хотя налицо все ее признаки: противоборствующие стороны, «наши», «чеченцы», «капитан», «дежурная рота», «солдаты», «джигиты», «перестрелка», «винтовочные выстрелы» и, наконец, «тяжело раненый», убитые [8, с. 3-32, 51-86, 378-383]. Концепт «война» в данном случае обретает этно-психологические особенности (см. цикл «Песни о событиях на Кавказе» [4, с. 335-339]). Для Толстого война – это и конкретное историческое событие, Кавказская война. Для капитана Хлопова («Набег»), солдат Веленчука, Жданова, бомбардира Антонова («Рубка леса») война – это «талан», судьба, обусловленная законами грозной государственной службы. Мироощущение солдат-кавказцев передано Толстым в манере народных песен, где жизнь военного человека изображается в эпическом стиле: «Сторона ль ты моя, сторонушка, / Сторона моя незнакомая! / Что не сам я тебя нашел, / Что не добрый меня конь завез, / Ни буйные ветры завяли, / Ни быстры реки залезали, – / Занесли меня, доброго молодца, / Что неволюшка солдатская, / Грозная служба государева» [Там же, с. 217-218]. Упоминание исторических военных песен в данном случае вполне правомерно, так как заглавие рассказа «Набег» не придумано Толстым, оно взято из народных песен, например, из песни «Набег кабардинцев на крепость Марьевскую» [Там же, с. 335].

Уже современные читатели отметили, что Толстой представил «несколько типов русских солдат» [3, с. 172]. У Толстого существует четкая типология «покорных, начальствующих и отчаянных» [8, с. 54]. Однако писателю важен процесс становления военного человека, диалектика сосуществования в нем мирного и военного состояний. На эту тему написаны рассказы «Дяденька Жданов и кавалер Чернов» (1854) и «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный» (1856). В них изображается то, как человек изымается из одного состояния, положения и помещается не по своей воле в другое. Герои названных рассказов оказываются в стороне чужой, они становятся другими, что находит выражение в, казалось бы, незначительном акте-мотиве: персонажи меняют одежду, но она приходится им не впору. Так, мотив переодевания в прозе Толстого реализуется в названных текстах таким образом: в одном случае перед читателем представлена судьба маленького человека («Дяденька Жданов»), напоминающая читателю героя кумулятивной сказки «Набитый дурак» [2]; в рассказе «Разжалованный» развернута история о молодце и горе в толстовском изводе.

Мотив переодевания выполняет сюжетобразующую и характерологическую функции в рассказе «Набег». Здесь капитан Хлопов предстает при первой встрече с волонтером-рассказчиком «в эполетах и шашке» [8, с. 7], тогда как на другой день, день набега, он одет в «старый, истертый сюртук без эполет» [Там же, с. 11], капитан как бы умаляет себя. За этими внешними изменениями угадывается опыт многочисленных стычек, боев, а главное – опыт четырех тяжелых ранений. Подобные наблюдения проистекают из антропологии Толстого, отмечавшего в дневнике, что «поступки людей объясняй не своими чувствами, а теми, которые ты в них предполагаешь» [7, с. 113]. Заметим, что писатель удивительно скуп, лаконичен в средствах изображения симпатичных ему людей. Они предстанут немногословными, внешне малопривлекательными.

Толстовское виденье военной темы обретает некую многосторонность: несколько точек зрения складываются в особую картину; писатель представляет все сразу: и перипетии основного события, военного дела, от начала до его заключительных сцен, и отдельных действующих лиц. Он передает многоголосие военной жизни: читатель слышит плясовую кавказскую песню, шутки, смех, рассказы, выражающие «общую беззаботность и равнодушие к предстоящей опасности» [8, с. 16]. В панораме крупным планом, конечно же, повествователем выделен поручик Розенкранц, который «стрелял из винтовки», «хриплым голосом кричал на солдат» и во весь дух скакал с одного конца цепи на другой» [Там же, с. 7-32]. По-иному показан капитан Хлопов, «в фигуре которого было очень мало воинственного, но зато в ней было столько истины и простоты» [Там же]. Поразило волонтера-повествователя то, что капитан не испытывал нужды быть не самим собой: «...он не понимает, зачем казаться» [Там же, с. 30]. Сюжет капитана Хлопова не исчерпывается его поведением в деле, набеге. Толстому была важна его реакция на смерть прапорщика Аланина. Капитан Хлопов симпатизирует юному прапорщику. В его сочувствии, любви, в молчаливом переживании гибели юного прапорщика угадывается то, что он, думается, видел в нем себя, молодого и необстрелянного. И, может быть, молчаливый Хлопов, покуривая «самброталический табак» [Там же, с. 12], обдумывал то, что не состоялось в его жизни – семьи, дома, сына. В молодом прапорщике, возможно, видел своего нерожденного сына. Своеобразный аналог судьбы капитана Хлопова исследователи усматривают в фигуре героя стихотворения М. Ю. Лермонтова «Завещание» [1], что вполне справедливо. Однако, что не менее важно, Толстого впечатляла драма персонажей народной песни «Ах, талант ли, талант таков...», которая построена в форме диалога матушки и ее «дитя разумного». Показателен финал этой песни: «Не жена меня состарила, / Что не малые ли детушки; / А состарила меня, матушка, / Что чужа дальна сторонушка, / Грозная служба государева, / Что частые дальние походы все!» [5, с. 206-207]. Народная песня (примечательно, что в тексте рассказа «Набег» этот жанр упоминается, более того, приводятся отрывки) «договаривает» то, о чем молчал, но думал капитан Хлопов и его матушка.

Таким образом, дебютные военные произведения Толстого представляются нам как вещи вполне самодельные в художественном плане. Фольклорная истинность не противоречит ни толстовской поэтической живописи, ни проникновению в глубину человеческой психологии. Толстой пытается «первозданно» воплотить принципы фольклора, которые станут определяющими при создании народных рассказов и народной драмы. В пьесах для народа фольклорная поэтика сказалась в нарочитой простоте сюжетной коллизии, в открытом морализаторстве, в отсутствии художественных украшений и т.д. [6].

*Список литературы*

1. **Лермонтов М. Ю.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Терра, 2009. Т. 1. 448 с.
2. **Народные русские сказки А. Н. Афанасьева:** в 3-х т. М.: Наука, 1985. Т. 3. 495 с.
3. **Некрасов Н. А.** Поэт и гражданин: избранные статьи. М.: Современник, 1982. 271 с.
4. **Русская историческая песня.** Л.: Советский писатель, 1987. 544 с.
5. **Русские народные песни.** Л.: Советский писатель, 1988. 464 с.
6. **Сизова И. И.** Сюжет о первом винокуре в творчестве Л. Н. Толстого // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4. Ч. 2. С. 172-177.
7. **Толстой Л. Н.** Дневники 1847-1894 // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 21. 575 с.
8. **Толстой Л. Н.** Повести и рассказы 1852-1856 // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 2. 422 с.

**FOLKLORIC MOTIVES IN WAR STORIES BY L. N. TOLSTOY****Zheng Luyan***Ivanovo State University**zhengluyan@hotmail.com*

The article examines the nature of L. N. Tolstoy's folklorism. Folk view in his war stories acquires universal nature, universal aesthetic existence manifesting itself at various levels of the literary work. From this standpoint the author attaches great importance to the early works (1851-1855), when the process of the formation of Tolstoy-writer, the development of his world outlook and artistic method began.

*Key words and phrases:* folklore; literature; tradition; motive; plot.

УДК 372.881.1

**Педагогические науки**

*В статье описана система упражнений, позволяющая оптимизировать процесс обучения устно-речевому общению на финском языке в условиях дополнительного образования учащихся. Она включает в себя 4 комплекса: аспектные упражнения, упражнения, направленные на стороны общения, культурно-ориентированные упражнения и интегрированные упражнения. Показано функционирование системы на примере темы «Моя семья».*

*Ключевые слова и фразы:* дополнительное образование учащихся; оптимизация; система упражнений; комплекс упражнений; иноязычное устно-речевое общение; театральная педагогика.

**Шейхет Анна Исаковна***Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена**aisheykhet@rambler.ru***СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ОПТИМИЗАЦИЮ  
ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ УСТНО-РЕЧЕВОМУ ОБЩЕНИЮ  
В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ<sup>©</sup>***«Упражнение дает больше, чем хорошее природное дарование».**Протагор*

В настоящее время роль дополнительного образования учащихся стабильно повышается, все большее количество детей посещает разнообразные занятия вне школы. Следовательно, необходимо определить данный феномен и рассмотреть его особенности. Под дополнительным образованием автор статьи понимает вариативную образовательную систему, направленную на удовлетворение коммуникативных, когнитивных, творческих потребностей учащихся, формирующую у них устойчивую мотивацию к познанию и способствующую их личностному и профессиональному самоопределению. Среди особенностей дополнительного образования хотелось бы выделить следующие:

1) учащиеся посещают занятия в учреждениях дополнительного образования, чтобы реализовать свои коммуникативные, когнитивные, творческие и досуговые потребности;

2) занятиям в учреждениях дополнительного образования присущ личностно-деятельностный характер образовательного процесса, способствующий развитию мотивации личности к познанию и творчеству, самореализации и самоопределению;

3) учащиеся посещают занятия дополнительного образования, руководствуясь своими интересами и свободным выбором [3, с. 107-110].